

давалась в учебнике с непартийной точки зрения, без учета классовой борьбы, игнорируя марксистско-ленинскую методологию.

Детальному анализу были подвергнуты как в докладе так и в прениях, и другие многочисленные ошибки в деятельности сектора советской литературы. Много путаного было в разработке проблемы соотношения художественного метода писателя и его мировоззрения. Не было показано со всей определенностью, на опыте наших великих классиков и современных писателей, что только верная, прогрессивная идеология помогает писателю в создании истинно художественных, бессмертных произведений.

Извлекался на свет давно разгромленный нашей партийной критикой тезис переверзевщины о том, что при ошибочной теории можно создавать совершенные произведения искусства. Недостаточно четко нашло свое отражение в работах Института положение, что главный вклад, внесенный марксистско-ленинским литературоведением,—это положение о партийности в литературе.

Резкой критике подверглись работы старшего научного сотрудника К. Л. Зелинского, который на научных сессиях в стенах Института и в своих статьях в журналах пропагандировал бездейную лирику Анны Ахматовой, противопоставлял субъективную, оторванную от нашей советской действительности поэзию Б. Пастернака творчеству ведущих советских поэтов, поэзии В. Маяковского. К. Л. Зелинский утверждал, что теперь уже не нужно бороться за боевую партийную поэзию, поэзию—службу народа, и предоставлял таким образом свободу аполитичной, слащавой, демобилизующей лирике. Было убедительно доказано, что ошибки К. Л. Зелинского не случайны. Как один из лидеров разбитой в свое время марксистско-ленинским теоретическим мышлением группы конструктивистов, Зелинский не полностью отстранился от своих старых заблуждений.

Б. В. Яковлев признал серьезным упущением в работе сектора советской литературы то, что его сотрудники мирились с высказываниями Зошенко по вопросам теории. Зошенко проповедывал халтурное отношение к творчеству, призывал не брать в качестве образцов создания классической русской литературы. Выступление Л. И. Тимофеева собрание нашло неудовлетворительным. Он неясно представлял себе размеры своих ошибок, считая, что достаточно, изменив некоторые формулировки, кое-что подправив, выпустить «Очерк истории русской советской литературы».

Как о примере идеологического неблагополучия в Институте говорилось на собраниях о работах старшего научного сотрудника доктора филологических наук Л. П. Гроссмана. Л. П. Гроссман как литературовед неоднократно подвергался в прошлом критике. Однако и в последних его исследованиях о Достоевском слишком много апологетики, превалирует непартийный подход к изучению этого противоречивого и сложного писателя. Как и в своих прежних статьях (например о драматургии И. С. Тургенева), Л. П. Гроссман в своих работах в Институте проявил элементы низкопоклонства перед Западом. Его доклад «Толстой и Пруст» явно принижал великого классика русской литературы, ставя рядом с его гигантской фигурой декадента Пруста, представителя разлагающейся буржуазной культуры Запада. Узкий компаративизм, отсутствие марксистско-ленинской методологии привели Л. П. Гроссмана к неверным, подчас вредным выводам. Произвольные сопоставления, натянутые сравнения встречаются и в статьях Л. П. Гроссмана о Лескове и «Раскольников как мировой образ». Последняя работа, принятая в «Ученые записки» Института, привлекла особое внимание выступавших. В этой работе Л. П. Гроссман не проявил своего отношения к Достоевскому, рассматривая Раскольникова с позиции самого Достоевского; кроме того, при сравнении с образами западной литературы, в той или иной мере перекликающимися с образом Раскольникова, он не применил марксистско-ленинского принципа в оценке литературных фактов. Это привело к целому ряду идеологических извращений. Так, например, роман Джозефа Конрада «На взгляд Запада», который является апологией провокатора, получил положительную оценку. Вместо уяснения влияния русской литературы на мировой литературный процесс в статье было дано чисто фактографическое описание.

В своих выступлениях на собрании Л. П. Гроссман показал, что он не осознал всю порочность своего метода, не сделал еще надлежащих выводов из той критики, которой была подвергнута его научно-исследовательская работа. Он безуспешно старался отвести от себя обвинение в апологетике «достоевщины» и в низкопоклонстве перед Западом.

Л. П. Гроссман,—сказал Б. В. Яковлев в своем выступлении на собрании,—отстаивал свое мировоззрение, свою методологию, столь же далекую от марксистско-ленинской, как Пруст от Толстого. А. Фадеев нашел распад формы у Пруста и противопоставил его всей русской литературе. Л. П. Гроссман же нашел общее, роднящее Пруста с Толстым. Мировоззрение и методология Л. П. Гроссмана—не его личное дело, он говорит с кафедры, пишет книги.

На собрании отмечались также ошибки, допущенные Т. Л. Мотылевой в статье «Русская литература в восприятии Запада». Работы Т. Л. Мотылевой о мировом значении русской литературы сыграли большую роль в выяснении влияния русских писателей на литературу Запада. Однако в этой последней работе имеются существенные недостатки, вытекающие из того, что русский литературный процесс рассматривался Т. Л. Мотылевой как единый поток. Не совсем критический подход к высказываниям иностранных писателей и критиков о русской литературе, Т. Л. Мотылева не разбивала